

СЫСОЕВ А. А. SYSOYEV A. A.

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры тактико-специальной
и огневой подготовки Восточно-
Сибирского института МВД России.
Эл. почта: daosss@pochta.ru*

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Department of
Tactical-Special and Weapons Training of
the East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the
Russian Federation.
E-mail: daosss@pochta.ru*

НАЧАЛЬНИК ИРКУТСКОГО СЫСКНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности профессиональной деятельности сотрудников сыскной полиции Восточной Сибири в начале XX столетия. Отражаются ключевые проблемы кадрового обеспечения оперативно-розыскной деятельности на территории административных центров края. Приводятся биографические сведения из служебной карьеры одного из первых руководителей Иркутской сыскной полиции — Николая Александровича Романова.*

***Ключевые слова:** сыскная полиция; Восточная Сибирь; уголовный сыск; преступность; сыщик; агентурные источники; население; оперативный аппарат.*

THE CHIEF OF IRKUTSK BRANCH OF THE DETECTIVE NIKOLAI ALEXANDROVICH ROMANOV

***Annotation.** The article deals with the peculiarities of professional activity of employees of the detective police of Eastern Siberia at the beginning of the XX century. The article reflects the key problems of staffing operations and investigative activities in the administrative centers of the region. Biographical information from the career of one of the first heads of Irkutsk detective police of Irkutsk – Nikolai Alexandrovich Romanov is given.*

***Keywords:** detective police; Eastern Siberia; criminal investigation; crime; detective; secret-service sources; population; operational device.*

В начале XX столетия видные российские теоретики полицейского дела утверждали, что оперативная деятельность требует привлечения особых исполнителей, отвечающих самым высоким требованиям, предъявляемым обществом и государством [1].

«В дело полицейской организации по сыску должно идти не отрепье, а цвет полицейской силы, — писал ученный-правовед И. М. Снегирев. По мнению автора, «самое существование сыскных обязанностей предъявл[яло] к полицейскому служителю по сыску огромные требования». Прежде всего, чиновник должен был обладать «смелостью, обеспечивающей необходимую в полицейском деле отвагу;

нравственной порядочностью и безупречным поведением, являющимися единственным залогом доверия общества; умением хранить тайну, обеспечивающим доверительное отношение благонамеренных обывателей; всесторонним развитием и возможно большими познаниями до энциклопедичности» [31].

Однако реалии отечественного сыска демонстрировали иную картину. Современники тех событий отмечали, что в сыскную полицию шли люди, «зареккомендовавшие себя со стороны добросовестными и исполнительными в канцелярском деле, не имеющие в деле производства дознаний ни опыта, ни необходимых для этого знаний и даже ни какого представления о приемах и средствах, способствующих раскрытию происшествий» [32].

Особо остро проблема комплектования оперативных подразделений ощущалась на восточных окраинах империи. Со всей очевидностью это демонстрируют формулярные списки сотрудников сыскных отделений, сохранившиеся в фондах государственных архивов Иркутской области, Красноярского и Забайкальского краев [3].

Дошедшие до нашего времени документы позволяют судить о том, что в подавляющем большинстве случаев оперативные должности замещались выходцами из крестьянства, и отставными военнослужащими, имевшими лишь начальные навыки чтения и письма. При этом статистические данные начала XX столетия указывают на достаточно низкий уровень грамотности сибирского населения, который был вдвое ниже, чем у жителей центральных районов империи [4].

Кризисное состояние кадров усугублялось низкими социальными гарантиями и скудным денежным содержанием. Ежемесячные выплаты сотрудникам сыскных отделений составляли от 32 до 46 руб. В сибирских городах, где продукты были существенно дороже, чем в центральных районах страны, эта сумма составляла только прожиточный минимум [2].

Низкая оплата и постоянный риск превращали уголовный сыск в весьма не престижное занятие. «За несколько лет на службе мне достаточно встретилось претерпеть невзгод и упреков по отношению скудного содержания», — признавал начальник Читинского сыскного отделения К. Г. Даценко. По мнению читинского сыщика, именно поэтому «никто не соглаша[лся] поступать на службу в сыскное отделение» [5].

Со временем ситуация практически не изменилась, и спустя 6 лет после явления К. Г. Даценко начальник Иркутского полицейского управления Степан Архипович Петровский ставил в известность товарища прокурора Иркутского суда: «Ваше Высокородие изволит знать ту материальную необеспеченность, в которую поставлен весь состав сыскного отделения, в силу коих обстоятельств не представляется возможным не только пригласить на службу мало-мальски подходящих людей, но и на положенное штатом жалование желающих никаких» [6].

Недостаточное финансирование неизбежно вело к повышению темпов ротации личного состава. Только с 1909 по 1917 гг. в Иркутском сыскном отделении сменилось пять начальников, шестнадцать полицейских надзирателей и тридцать три городских [27]. Еще хуже обстояли дела в сыскном отделении г. Читы, где

за тот же период сменилось шесть начальников, девятнадцать полицейских надзирателей и тридцать шесть городских [28].

Высокая текучесть кадров вела к существенному снижению профессионального уровня сыщиков, квалификация которых находилась в прямой зависимости от времени пребывания в должности. В то время как даже от рядового сотрудника сыского отделения требовалось уметь обращаться с антропометрической системой Бертильона и владеть навыками дактилоскопии и фотографии.

В подобных условиях эффективно вести и организовать оперативную деятельность могли только отдельные, явно незаурядные личности. Одним из таких сыщиков-самоучек являлся начальник Иркутского сыского отделения Николай Александрович Романов.

Из формулярного списка о службе известно, что родился Николай Александрович 4 сентября 1884 г в Костромской губернии. Вероисповедания был православного. Окончил Галичское городское трёхклассное училище и 5 декабря 1909 г. успешно выдержал испытания при Окружном Военно-Ветеринарном управлении Иркутского военного округа с правом «удостоения его в военное время к назначению на классную должность согласно Положения о зауряд военных чиновниках».

Службу при Иркутской городской полиции Н. А. Романов начал с ноября 1911 г. в должности помощника пристава. В течение нескольких лет последовательно замещал должности секретаря полицейского управления и заведывающего резервом конных стражников.

25 августа 1912 г. приказом Иркутского полицмейстера за № 120 по согласованию с прокурором Иркутского окружного суда Н. А. Романов получил назначение исполнять обязанности начальника Иркутского сыского отделения.

К этому времени, со слов самого Николая Александровича, «большой процент населения [Иркутска] явля[л]ся элементом ссыльным, старожилы из которых, составившие себе состояние путем большей частью преступным, как обладатели средств, представля[ли] из себя как бы командующий слой населения... остальную часть населения большую по процентному отношению к численности города, составля[л] элемент переменный, случайный пришлый и ссыльный» [7].

Эта особенность, характерная для населения административных центров Восточной Сибири, предельно обостряла бытовавшую в российском обществе неприязнь к полицейским чиновникам и, как следствие, чрезвычайно препятствовала проведению оперативных мероприятий. По мнению Н. А. Романова, «рассчитывать на желаемое содействие со стороны жителей... [было] нельзя, а зачастую наоборот неоднократно приходи[лось] изобличать жителей в сокрытии мест пребывания преступников и в содействии им избежать изобличения в содеянном» [8].

Выполнять обязанности по предупреждению и пресечению преступной деятельности в таких условиях оказалось чрезвычайно опасной задачей требующей предельного напряжения сил.

Между тем, по оценке иркутского полицмейстера С. А. Петровского, «количественный состав Иркутского сыского отделения, состоящего в третьем разряде,

а равно и денежные суммы, отпускаемые на уголовный розыск, [этому] совершенно не соответств[овали]» [9]. Весь штат Иркутского сыскного отделения составляли только лишь: начальник, три полицейских надзирателя и четыре городских. Столь незначительное количество сыщиков не позволяло проводить полноценные оперативные мероприятия ни в уездах Иркутской губернии, ни в самой губернской столице.

Неудивительно поэтому, что с течением времени количество уголовных преступлений увеличивалось, а уровень их раскрываемости снижался. И, если к 1909 г. количество краж и грабежей, ежегодно совершаемых на территории Иркутска, достигло 349 и 72, то в 1914 г. аналогичных преступлений было зарегистрировано уже 1338 и 118 [10]. Причем иркутскими сыщиками в 1914 г. было принято к производству только лишь 151 дело о кражах, а злоумышленников удалось изобличить только в 54 случаях [29].

Явный недостаток личного состава приводил к тому, что специализация по видам уголовных преступлений среди полицейских не производилась, а о создании так называемых «летучих отрядов», позволяющих раскрывать преступления по горячим следам, не могло быть и речи. Зачастую при проведении операций в сыском отделении не оставалось даже дежурных. Из-за нехватки сотрудников начальнику Иркутского сыскного отделения приходилось лично участвовать в задержании особо опасных вооруженных преступников.

В фондах ГАИО сохранилось описание событий, произошедших вечером 4 апреля 1914 г. Тогда иркутские сыщики получили информацию о предполагаемом нападении на дом купца Лонциха, проживавшего по 3-й Солдатской улице.

По распоряжению Н. А. Романова за усадьбой было установлено скрытое наблюдение. В условленное время к дому Лонциха направились сам Николай Александрович и полицейский надзиратель Федор Степанович Франчук.

На подъезде к 3-й Солдатской улице сыщики заметили около казенной лавки двух мужчин, один из которых надевал на себя черную маску. Увидев полицейских, грабители попытались скрыться: первый — по направлению к Амурской улице, второй — к Преображенской. На требование остановиться преступники ответили стрельбой из револьверов.

Как позднее вспоминал сам Н. А. Романов: «Мне удалось нагнать убегающего на середине 3-й Солдатской против дома № 32, но в это время он неожиданно, сделав оборот назад, произвел в меня выстрел из револьвера «Наган», причем выстрел преступник направил мне в голову с левой стороны, но пуля, случайно, в голову мне не попала и пробила мне лишь фуражку, при этом огнем от выстрела мне обожгло левую сторону лица и закоптило порохом и дымом.

Вслед за этим выстрелом преступник произвел другой выстрел, но также промахнулся, а затем, страшно обозлившись, нанес мне сильный удар по голове револьвером и этим самым дал мне возможность воспользоваться этим моментом, чтобы ухватиться за его револьвер, за который я ухватился и произвел выстрел ему в голову; противник после этого, не смотря на нанесенное ему поранение в голову,

продолжал наносить мне удары, стараясь вырвать у меня из левой руки принадлежавший ему револьвер, за который как я, так и он крепко держались.

При дальнейшем сопротивлении мы оба упали на землю, в грязь, причем противник мой все время и лежа еще продолжал сопротивляться: кусал меня за левую руку зубами, которой я держался за принадлежащий ему револьвер, а затем пытался меня зубами схватить за лицо, но я в это время, не имея у себя в револьвере ни одного боевого патрона, нанес ему удар острием револьвера в левый глаз, и этот прием мой был последним, так как от нанесенных мне противником ударов по голове я стал ослабевать и чувствовать, что я теряю сознание, и крикнул, что «я ранен», в то время, когда я крикнул, что я ранен, из толпы мне на помощь подбежал неизвестный молодой человек и сел на моего противника сверху, а вслед за ним подбежал городской Максимов и, увидев, что противник продолжает сопротивляться, произвел ему выстрел в голову, от которого тот ментально умер» [11].

Самоотверженные и умелые действия Н. А. Романова в роли рядового оперативника, безусловно, вызывают признание его физических и нравственных качеств. Однако, вынужденно выполняя обязанности подчиненных, начальник сыскного отделения тем самым сужал свои возможности, как руководителя оперативной деятельности. Рискуя собственной жизнью, Николай Александрович невольно ставил под удар эффективность действия всего полицейского подразделения.

Редкие моменты затишья Н. А. Романов использовал для проведения криминалистических изысканий. К началу XX столетия профессионалам уголовного сыска становилось очевидно, что эффективное противодействие вызовам многочисленного и уже хорошо организованного криминального мира без пристального и всестороннего изучения особенностей его развития невозможно.

Высокая концентрация профессиональных преступников на территории губернской столицы и их повышенная активность давали богатый статистический материал. Очевидной заслугой Н. А. Романова являлось то, что он не только собрал, но и систематизировал значительный объем сведений о криминальном мире Иркутска.

Дифференцируя уголовную преступность по видам, исполнителям и их этнической принадлежности, Николай Александрович пришел к выводу, что «к категории разбойников, бандитов и грабителей главным образом принадлежат грузины; к этой же категории и к категории убийц, с целью грабежа, воров-громил, воров-взломщиков принадлежат русские и поляки из каторжан; к категории воров-взломщиков, отмытчиков, карманщиков принадлежит исключительно бедное население города в возрасте от 15 до 20 лет; к категории воров-рецидивистов, взломщиков потолков и полов, резчиков железных касс принадлежат главным образом поляки из каторжан; к категориям приемщиков и сбытчиков краденного принадлежат мелкие торговцы и главным образом евреи» [12].

Продолжая свои научные изыскания, Николай Александрович приступил к составлению словаря слов воровского языка, употребляемого в Иркутске [30]. Начало работе положил секретный циркуляр департамента полиции от 22 декабря

1913 г. за № 90071. Распоряжение предписывало Иркутскому губернатору «для наиболее успешной постановки дела борьбы с уголовной преступностью и тщательного ознакомления чинов полиции с преступной средой и в частности с воровским языком» поручить чинам общей и сыскной полиции собрать и предоставить к 1 мая 1914 г. «как можно больший объем сведений по данному предмету». Особенный интерес полицейского департамента вызывали «слова воровского жаргона, которые имеют исключительно местное употребление». Такие слова рекомендовалось «отмечать особо» [13].

Сбор требуемых сведений начальник губернии поручил всем полицейским чиновникам Иркутска. Через месяц, каждый из пяти частных приставов, представил в городское управление необходимую для завершения работы информацию. Однако основу окончательного списка слов воровского языка, употребляемых в Иркутске, составили материалы, добытые и систематизированные Н. А. Романовым. Словарь содержал наиболее распространенные фразеологизмы криминальной субкультуры, имевшиеся в ходу на восточных окраинах империи, и оказался неопределимым подспорьем в оперативной работе.

Именно специфические особенности оперативной деятельности наложили свой особый отпечаток на дальнейшую судьбу Николая Александровича. Постоянный риск лишения жизни и систематическое общение с представителями криминального мира деформировали психику сыщиков. В некоторых случаях у полицейских чиновников происходили существенные негативные изменения. Общепринятые этические нормы уступали место нравам уголовной среды. Физическое насилие и жажда наживы начинали превалировать над понятием справедливости и чувством долга.

Первый тревожный сигнал в профессиональной карьере Николая Александровича прозвучал 9 апреля 1914 г., когда прокурором Иркутского окружного суда было назначено предварительное следствие «О начальнике Иркутского сыскного отделения Романове, по обвинению его в преступлении, предусмотренном ст. 347 уложения о наказаниях». Статья предусматривала ответственность за оскорбление кого-либо словом или действием при отправлении своей должности. Н. А. Романову вменялось избиение нижних чинов 27 Сибирского стрелкового полка Ильяса Сохабудинова, Локшана Зарипова и Ахмата Хайритинова.

Из письменных показаний потерпевших следовало, что 28 октября 1913 г. они сопровождали в расположение воинской части своего пьяного товарища рядового Зигамурова. На Подгорной улице солдат остановили люди, одетые в штатское платье, и приказали следовать сыскное отделение. Свою просьбу, по свидетельству военнотружущих, неизвестные подкрепили оружием и физическим насилием, «прикладывая револьвер к виску... и нанося удары рукой по лицу Зарипова». В самом отделении навстречу к солдатам вышел чиновник в форменной тужурке и нанес еще несколько ударов кулаком по голове Ильясу Сохабудинину [14].

Через несколько часов получившие, по мнению полицейских, «заслуженный урок» нижние чины были отпущены в расположение части. Однако инцидент стал известен командованию полка и делу дали «официальный ход». При проведении

процедуры опознания нижние чины указали на городского сыскного отделения Петра Кузьмича Широглазова, как на человека, угрожавшего им револьвером, и на Николая Александровича Романова, как на чиновника, нанесшего побои Илье-су Сохабудинову.

В ходе предварительного следствия Н. А. Романов выдвинул свою версию произошедшего. С его слов следовало что, «18 октября пьяные нижние чины татары начали избивать около сыскного отделения лежащего на земле пьяного товарища. Это собрало вокруг солдат толпу прохожих, которая стала вести себя угрожающе по отношению к солдатам... я выбежал на улицу, все эти солдаты были взяты мною в сыскное отделение, так как им угрожала опасность со стороны означенных штатских». По свидетельству чиновника именно прохожий «из числа лиц, угрожавших солдатам, ударил одного из них по лицу, из чинов же сыскного отделения никто солдатам побоев не наносил» [15].

Дальнейшее разбирательство показало, что объяснение Н. А. Романова, оказалось наиболее удобным для губернского руководства. Пострадавшие нижние чины были уволены в запас, и опросить их не представлялось возможным. У обвиняемой стороны нашелся свидетель, некто Борис Шкурин, подтвердивший показания сыщиков относительно их полной невиновности. Неудивительным поэтому было решение товарища прокурора Иркутского судебной палаты о том, «что для обвинения Романова и Широглазова в преступлении нет достаточных данных и потому уголовное преследование в отношении последних прекратить с отменой принятой против них меры пресечения — подписки о неотлучке» [16].

Следует отметить, что происшествие с участием нижних чинов 27 Сибирского стрелкового полка и сотрудников Иркутского сыскного отделения, не являлись событием экстраординарным. К указанному времени значительная часть полицейских чинов даже не владела обязательным минимумом юридических познаний. Смутные представления служащих полиции о правомерности применения физической силы вели к тому, что силовое воздействие на правонарушителя зачастую перерастало в насилие.

В связи с увеличением подобных происшествий руководство департамента полиции в официальной переписке отмечало, что «нельзя не признать, что отдельные случаи применения чинами полиции физического насилия имеют место» [17].

Между тем, среди прочих нарушений закона у сотрудников правоохранительных органов царской России получали значительное распространение преступления корыстной направленности. Высокие властные полномочия полицейских чиновников и доступность оперативной информации оказались весьма действенными инструментами извлечения незаконных прибылей от службы.

Не миновало этого явления и полицейское ведомство Иркутска. Наиболее широких масштабов противоправная деятельность его чиновников достигла в сыскном отделении. Немаловажную роль в этом сыграла личность Н. А. Романова. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные материалы, собранные советником губернского управления Спасским и судебным следователем Иркутского окружного суда по особо важным делам М. М. Стразовым.

В конечном итоге в отношении Н. А. Романова было возбуждено уголовное преследование, он подозревался «в бездействии власти, выразившееся в оставлении без движения и расследования поступавших к нему заявлений о преступлениях разного рода» [18].

Выдвинутые обвинения опирались на материалы ревизии делопроизводства Иркутского сыскного отделения, проведенной 8 мая 1915 г. советником Спасским. Чиновнику удалось выявить многочисленные нарушения, указывавшие на явный и весьма небескорыстный интерес сыщиков к незаконному трафику опиума из Самарканда в Восточную Сибирь и Манчжурию. Заключение Спасского полностью соответствовало агентурным сообщениям, полученным офицерами Иркутского жандармского управления.

По информации чиновников политической полиции сотрудники сыскного отделения пошли значительно дальше, чем взимание денег с тех, кто распространял наркотическое вещество. Сыщики сами стали торговать опиумом. Как сообщали агенты, в одном из эпизодов преступной деятельности «Романов с агентами, перепродавая опиум другим лицам, снова отбирали его у них, вновь перепродавали и таким образом одно и то же количество опиума, попавшее в несколько рук, приносило им громадные барыши» [19]. В других случаях сотрудники сыскного отделения, «с ведома и разрешения Романова занимались подделкой опиума, конфискованного у торговцев, не платящих Романову». Смешивая серу с чистым опиумом для запаха, сыщики не только продавали полученный суррогат, но и представляли его на суде в качестве вещественного доказательства вместо отобранного чистого опиума [20]. Складировался опиум прямо в помещениях сыскного отделения. Сам Николай Александрович владел полной информацией о том, кто, где и как получает «товар», в каких местах он хранится и через кого осуществляется его дальнейшее распространение.

По агентурной информации, «за свое молчание Романов получал от [распространителей опиума] Раскина, Зыськовича, Гухмана и Гутмахера взятки (от Бахрая до его ареста Романов получал около 1000 руб. в месяц, Раскин и Гухман платил Романову по 200 руб. в месяц), причем Раскин открыто говорил — я никого и ничего не боюсь, так как у меня вся сыскная полиция на содержании)» [21].

Проведенные жандармами в ночь на 23 апреля 1915 г. обыски и аресты полностью подтвердили уже имевшиеся сведения о преступных действиях чиновников Иркутского сыскного отделения. В связи с этими событиями 24 апреля 1915 г. Иркутский губернатор Юганов сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири: «Начальник Иркутского жандармского управления 22 апреля вечером сообщил о преступных действиях чинов сыскного отделения, выразившихся в том, что эти чины имеют непосредственное сношение и содействуют образовавшейся в 1914 г. группе лиц, занимающихся продажей опиума и в том, что чины сыскного отделения участвуют в шайке аферистов оперирующих фальшивыми кредитными билетами. Начальник, два полицейских надзирателя, агент сыскного отделения арестованы. Кроме того, арестовано 13 частных лиц. Дело передано прокурору» [22].

В ходе дальнейшего разбирательства судебному следователю М. М. Стразову удалось выяснить прямую связь Н. А. Романова с еще одной крупной преступной группой, действовавшей на территории края. Изобличенные преступники занимались распространением среди населения края фальшивых денежных купюр, мошенничеством и подлогом. Следственные материалы указывали на то, что «с 1914 г. в Иркутске существовала шайка, в которую входили Григорий Коткин, Александр Сейферт и Абрам Свистунов... члены шайки путем так называемых «афер» с фальшивыми кредитками, с ведома начальника Иркутского сыскного отделения и его подопечных, обирали подающихся на их уловки людей» [23].

Выводы следствия подтверждали обыски, проведенные в сыском отделении. В шкафу Н. А. Романова была найдена «книга заказов на фальшивые деньги». Книга содержала весьма любопытные расписки следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую расписку в том, что состою в организации по сбыту денег разного достоинства народной фабрикации. Эту тайну обязуюсь хранить, в чем и подписываюсь» [24].

Как показало дальнейшее расследование, смысл расписок заключался в том, что соблазняя доверчивых иркутян значительными прибылями от производства фальшивых денег, преступники заманивали их в «организацию фальшивомонетчиков» и обманом похищали деньги. Осознав, что попали в сети мошенников люди шли к начальнику сыскного отделения и заявляли о преступных действиях. Однако в ответ Н. А. Романов показывал потерпевшим расписку, из которой следовало, что они сами состоят в «организации по сбыту денег народной фабрикации», и также наравне с мошенниками могут понести уголовную ответственность. Криминальный бизнес приносил весомые дивиденды. По оперативной информации жандармов, только в результате одного из многочисленных мошенничеств «агенты сыскного отделения Франчук, Максимов, Леонтьев и крестьянин Коткин, при содействии начальника сыскного отделения Романова посредством «аферы» получили у местной богатой вдовы Гляттер 1400 рублей» [25].

Совокупность преступных деяний, в совершении которых подозревался Н. А. Романов, послужила основанием для возбуждения уголовного преследования по нескольким статьям «Уголовного уложения». Однако после непродолжительного ареста бывший сыщик был выпущен на свободу под поручительство частного поверенного Э. К. Роберга. Причиной освобождения послужило сообщение начальника Иркутского тюремного замка о том, «что поместить Романова с другими арестантами, в силу его особого положения не представляется возможным» [26].

Чем занимался в дальнейшем, после ухода из сыскной полиции Николай Александрович, установить не удалось. Известно лишь, что, находясь под «подпиской о неотлучке», отставной канцелярский служитель Н. А. Романов проживал в Иркутске по Большой Русиновской улице. В январе 1917 г., во время пожара, из здания суда была совершена дерзкая кража всех вещественных доказательств, фигурировавших в его следственном деле. Тогда же, 8 января в 7 часов утра вне-

запно застрелился один из основных свидетелей обвинения — бывший полицейский надзиратель сыскного отделения Федор Степанович Франчук.

Был ли причастен ко всем этим происшествиям Н. А. Романов, доподлинно неизвестно. Однако можно с известной долей достоверности утверждать о наличии у бывшего начальника Иркутского отделения высоких волевых и оперативных качеств, аналитических способностей и организаторского таланта. Не вызывает сомнения и то, что в определенный момент все эти качества и способности были направлены на извлечение незаконной выгоды из своего служебного положения.

Мужество и самоотверженность, проявленные Н. А. Романовым на поприще сыскной службы, безусловно, заслуживают и признательности, и благодарности потомков. Однако специфика положения, в котором оказался бывший начальник Иркутского сыскного отделения, предопределила особенности содержания и результаты его деятельности. Отсутствие социальных гарантий для чиновников полиции и минимальная оплата их труда, дифференцированные постоянным риском лишения жизни деформировали отношение Николая Александровича к своим служебным обязанностям. Высокие властные полномочия и наличие значительного массива оперативной информации оказались самыми действенными инструментами извлечения прибыли. Потребность в увеличении доходов от службы вытиснила морально-этические установки о её предназначении. В конечном итоге оперативный аппарат Иркутского сыскного отделения был деформирован Н. А. Романовым в структуру, обеспечивающую его личное обогащение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1874. Т. 1. 648 с.; Вайнгарт А. Уголовная тактика. Руководство к раскрытию преступлений. Овруч: Тип. Горбана и Фридмана, 1910. 463 с.; Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступления. С. Пб.: [б.и.], 1909. 176 с.
2. Вендрих Г. А. Кудрявцев Ф. А. Иркутск: очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 249.
3. См.: Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО), ф. 91, оп. 1: д. 2867, д. 2891, д. 2892; Государственный архив Забайкальского края (далее — ГАЗК): ф. 26, оп. 1, д. 344, 476, 513; Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК), ф. 122, оп. 1: д. 37, 38, 59, 81, 118.
4. Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 г. // Сиб. вопросы. 1907. № 17. С. 15.
5. ГАЗК, ф. 26, оп. 2, д. 63, л. 44.
6. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 97.
7. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 40.
8. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2646, л. 50.
9. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 97.
10. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 45,47.
11. ГАИО, ф. 91, оп. 2, д. 1972, л. 2.
12. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2846, л. 40.

13. ГАИО, ф. 91, оп. 2, д. 1963, л. 11.
14. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1117, л. 51.
15. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1117, л. 10.
16. ГАИО, ф. 455, оп. 1, д. 261, л. 1.
17. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1116, л. 2.
18. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1116, л. 9.
19. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1116, л. 12.
20. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1116, л. 14.
21. ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1116, л. 7.
22. ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 3393, л. 1.
23. ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 3393, л. 15.
24. ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 3393, л. 2.
25. ГАИО, ф. 25, оп. 3, д. 3393, л. 17.
26. ГАИО, ф. 243, оп. 1, д. 498, л. 46.
27. Подсчитано по: ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 2844, 2891; оп. 2, д. 1901.
28. Подсчитано по: ГАЗК, ф. 26, оп. 1, д. 344, 475, 513; оп. 2, д. 15, 20, 30, 31, 38, 63, 68.
29. *Рубцов С. Н.* Уголовный сыск на территории Восточной Сибири: моногр. 2-е изд., испр., доп. / С. Н. Рубцов. Красноярск: Ин-т совр. и гуманит. наук Сиб. федер. ун-та, 2007. С. 113.
30. *Рубцов С. Н.* Уголовный сыск российской полиции Восточной Сибири: моногр. 2-е изд., испр., доп. / С. Н. Рубцов. Красноярск: Ин-т ест. и гуманит. наук Сиб. федер. ун-та, 2007. С. 178.
31. *Снегирев Н. М.* О сыске. Опыт исследований приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий. Касимов: Тип. Труд П. Колбаева и М. Назьмова, 1908. С. 4.
32. *Снегирев Н. М.* О сыске. Опыт исследований приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий. Касимов: Тип. Труд П. Колбаева и М. Назьмова, 1908. С. 5.